

Научная статья
УДК 39=512.142
DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-167-188
EDN: HFTLHZ

**ЛИТЕРАТУРНОЕ ТВОРЧЕСТВО
ИСМАИЛА АБАЕВА (ИЗМАИЛ-БЕЯ) КАК ИСТОЧНИК
ПО ЭТНОГРАФИИ БАЛКАРЦЕВ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТЫ «ВОЛЬНЫЙ ГОРЕЦ»)**

Муслим Исмаилович Баразбиев¹, Хаким Камилевич Геграев²

^{1,2} Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия

¹ muslim1971@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2451-6987>

² gegra70@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8470-1530>

Аннотация. В статье исследуются этнографические сюжеты в опубликованном, но ранее неисследованном литературном творчестве первого, по сути, балкарского прозаика Исмаила Кайтуковича Абаева, характеризующие различные стороны традиционного повседневного быта балкарского народа и обнаруживающие ряд схожих черт с традиционной повседневностью других народов Северного Кавказа. И.К. Абаев стал первым прозаиком из числа балкарцев, писавшим к тому же на русском языке, часть произведений которого была опубликована в печатном органе кавказских меньшевиков, – газете «Вольный горец», – а также одним из первых, а, возможно, и первым киносценаристом из числа северокавказских народов, причем в эпоху становления игрового кино как нового вида искусства. Неординарная для Северного Кавказа досоветского и раннесоветского периода личность И.К. Абаева по-прежнему остается малоизученной и не столь широко известной, как фигуры некоторых других представителей первой плеяды балкарской интеллигенции. В своих небольших рассказах, названных «эскизами», И.К. Абаев попытался охватить разные стороны традиционного быта балкарского народа: свадебные обычаи, народные игрища, хозяйственные занятия, торговые и родственные связи с соседними народами, обычаи кровной мести и аталычества. При этом часть сюжетов его рассказов помещена в определенный исторический контекст, в частности событий начала XX в., происходивших в Российской империи. Биография и творчество Исмаила Абаева дают интересный и ценный материал для исследователей-балкароведов, но при этом требуют дальнейшего, еще более глубокого изучения.

Ключевые слова: Исмаил Абаев, «Вольный горец», балкарский народ, традиционный быт, аталычество, народные игрища.

Благодарности и финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке Внутреннего гранта КБГУ (Договор № 12 от 09.07.2024 г.), в рамках программы «Приоритет 2030».

Для цитирования: Баразбиев М.И., Геграев Х.К. Литературное творчество Исмаила Абаева (Измаил-Бея) как источник по этнографии балкарцев (по материалам газеты «Вольный горец») // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 3. – С. 167-188. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-167-188. EDN: HFTLHZ.

**THE LITERARY WORK OF ISMAIL ABAYEV (IZMAIL-BEY)
AS A SOURCE FOR THE ETHNOGRAPHY OF THE BALKARIANS
(BASED ON THE MATERIALS
OF THE NEWSPAPER "VOLNY GORETS")**

Muslim I. Barazbiev¹, Khakim K. Gegrayev²

^{1,2} Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia

¹ muslim1971@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2451-6987>

² gegra70@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8470-1530>

Abstract. The article examines ethnographic plots in the published, but previously unexplored literary works of the first, essentially, Balkar prose writer Ismail Kaitukovich Abaev, characterizing various aspects of the traditional everyday life of the Balkar people and revealing a number of similarities with the traditional everyday life of other peoples of the North Caucasus. I.K. Abaev became the first Balkar prose writer who also wrote in Russian, some of whose works were published in the printed organ of the Caucasian Mensheviks, the newspaper "Volny Gorets", and also one of the first screenwriters from among the North Caucasian peoples, and in the era of the formation of feature films as a new art form. The personality of I.K. Abaev, extraordinary for the North Caucasus of the pre-Soviet and early Soviet period, remains little studied and not as widely known as the figures of some other representatives of the first galaxy of the Balkar intelligentsia. In his short stories, called sketches, I.K. Abaev tried to cover different aspects of the traditional life of the Balkar people: wedding customs, folk games, economic activities, trade and family ties with neighboring peoples, customs of blood feud and atalychestvo. At the same time, some of the plots of his stories are placed in a certain historical context, in particular the events of the early 20th century that took place in the Russian Empire. The biography and work of Ismail Abaev provide interesting and valuable material for Balkar researchers, but at the same time require further, even more in-depth study.

Key words: Ismail Abaev, «Vol'nyj gorec», Balkar people, traditional life, atalychestvo, folk games.

Acknowledgments and funding: The study was carried out with the financial support of the KBSU Internal Grant (Contract No. 12 dated 09.07.2024), as part of the Priority 2030 program.

For citation: Barazbiev M.I., Gegrayev Kh.K. The literary work of Ismail Abayev (Izmail-Bey) as a source for the ethnography of the Balkarians (based on the materials of the newspaper "Volny gorets"). IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 3. – P. 167-188. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-167-188. EDN: HFTLHZ.

© Barazbiev M.I., Gegrayev Kh.K., 2025

Введение

Для всех народов Северного Кавказа безусловный интерес представляет исследование жизни и творчества представителей первой плеяды национальной интеллигенции, стоявшей у истоков письменной литературы, причем создававших свои сочинения уже на русском языке, что делало их известными для более широкой публики. Особенно это относится к тем первым представителям национальной интеллигенции, которые, являясь свидетелями традиционного быта

своего и соседних народов, смогли запечатлеть некоторые его стороны в своих литературных и публицистических сочинениях, выходивших как в виде отдельных изданий, так и на страницах периодической печати Северного и Южного Кавказа. Более пристальное изучение региональной печати досоветского периода иногда позволяет выявить материалы, ранее не становившиеся предметом исследования, авторами которых как раз и являлись образованные выходцы из коренных народов Северного Кавказа. Яркий пример тому – жизнь и творчество писателя и одного из первых киносценаристов, а, возможно, и первого – выходца из среды горских народов – Исмаила Кайтуковича Абаева, представителя одного из самых известных балкарских аристократических родов. Его неординарная для Северного Кавказа досоветского и раннесоветского периода личность по-прежнему остается малоизученной и не столь широко известной, как фигуры некоторых других представителей первой плеяды балкарской интеллигенции.

Цель данного исследования – выявить этнографические сюжеты в опубликованном и ранее неисследованном литературном творчестве первого, по сути, балкарского прозаика Исмаила Абаева, характеризующие различные стороны традиционного повседневного быта балкарского народа, но, при этом, обнаруживающие ряд схожих черт с традиционной повседневностью других народов Северного Кавказа.

Источниковая и историографическая база о жизненном и творческом пути самого И.К. Абаева крайне незначительна и еще требует дальнейших изысканий. В научной публицистике, пожалуй, самым первым упоминанием о нем является статья балкарского историка, государственного и общественного деятеля Х.И. Хутуева, опубликованная в 1964 г. и не лишенная, конечно, определенных идеологических клише того времени: «У балкарцев, как и у других народов нашей страны, – писал Х.И. Хутуев, – киноискусства до Великой Октябрьской социалистической революции не существовало. Темный, забитый балкарский народ о нем не имел даже представления. Однако суровая и прекрасная природа Кабардино-Балкарии привлекла внимание не только писателей, художников, путешественников, туристов и фоторепортеров, но и киносценаристов и режиссеров. Начало этому важному делу положил сын железнодорожного машиниста балкарец Исмаил Абаев. Он написал три сценария, по которым созданы известные фильмы «Абрек Заур», «Закон гор» и «Под властью адата». В первом из них отражается борьба горцев против несправедливости царских властей. Два других фильма показывают тиранию религиозных обычаев и законов старого Кавказа. В них бичуется религиозный фанатизм, вредные предрассудки и черные следы мусульманского духовенства. Все эти фильмы для своего времени (1926-1928 гг.) были хорошими созданиями советского киноискусства и получили высокую оценку на страницах центральной печати» [Хутуев 1964: 148].

В последующие десятилетия фигура И.К. Абаева также не стала объектом специального научного исследования, но при этом отдельные штрихи его биографии, а также членов его семьи, нашли отражение в работах А.А. Здановича [Зданович 2017], М.И. Баразбиева [Баразбиев 2011], С.Н. Сафаряна [Сафарян 1988], Т.Ш. Биттировой [Биттирова 2007], Е.В. Диановой [Дианова 2024].

Основным источником для данного исследования стали номера еженедельной газеты «Вольный горец», выходившей в Тифлисе в 1919-1920 гг., в которых были напечатаны так называемые «эскизы», по сути – короткие рассказы Исмаила Абаева (Измаил-бея), представляющие для нас интерес прежде всего из-за содержащихся в них этнографических сюжетов о традиционном быте балкарцев [Измаил-бей 1920].

В процессе исследования такие **методы**, как историко-сравнительный, историко-типологический, синхронный, источниковедческого анализа архивных документов, а также опроса информантов.

Основная часть

Биографические сведения об И.К. Абаеве. Исмаил Кайтукович Абаев родился в 1886 году [Зданович 2017: 440]. Его семья принадлежала к одному из наиболее знатных феодальных родов Балкарии, практически все члены которой стали и культурной элитой балкарского народа. Дед Исмаила – *таубий* (горский князь) Асланбек Канукович был первым балкарцем, поступившим в 1834 г. на военную службу в Лейб-Гвардии Кавказско-Горский полуэскадрон, осуществлявший охрану российского императора и конвойную службу при царском дворе. Через четыре года он был произведен в офицерский чин корнета и прикомандирован к Моздокскому линейному казачьему полку.

Пребывание в составе гвардейского формирования в столице Российской империи, приобщение к русской и европейской культурам оказало существенное влияние на личность князя Абаева. В первую очередь это проявилось в стремлении к приобщению собственных детей к российскому образованию и культуре. Благодаря этому, дядя Исмаила, Султанбек, поступил в Санкт-Петербургскую консерваторию в первый год ее открытия, стал известным на Кавказе музыкантом-скрипачом, первым учителем музыки из северокавказских горцев. Вместе с тем, Султанбек Абаев, так же, как и его отец, проходил службу в рядах конвоя. В 1863 г. он поступил в Лейб-Гвардии Кавказско-Горский полуэскадрон оруженосцем, а в 1869 г. покинул его офицером.

Тетя Исмаила, Ханифа Абаева, стала первой балкаркой, получившей светское образование в учебном заведении для девочек имени Св. Нины в Тифлисе. Выйдя замуж в 1872 г. за известного азербайджанского общественного деятеля и просветителя Гасан-бека Меликова (Зардаби), она сыграла выдающуюся роль в развитии женского образования в Азербайджане. Известно, что уже в 1873 г. она открывает в своем доме в Баку школу, которую посещали 12 девочек, ставших впоследствии педагогами. В 1901 г. Ханифа Асланбековна добивается открытия в Баку государственной школы для девочек-мусульманок, а через три года открывается женская гимназия, начальницей которой становится именно она. В 1909 г., при содействии миллионера Гаджи Зейналбадина Тагиева, была учреждена русско-мусульманская школа, на деятельность которой бакинская интеллигенция возлагала большие надежды. И Ханифа Абаева, оставив налаженное дело и процветающую гимназию, возглавила новое учебное заведение, в котором и проработала до 1927 г. Ханифа Абаева умерла 2 мая 1929 г. Выступавший на траурном митинге тогдашний председатель азербайджанского ЦИКа Газанфар

Мусабеков по достоинству оценил вклад Ханифы Асланбековны в дело просвещения Азербайджана. В частности, он говорил: «Сегодня мы потеряли мать, воспитавшую не двух, не трех и даже не десять, а тысячи детей. Народ никогда не забудет все то доброе, что сделано ею» [Баразбиев 2011: 59, 60].

Об отце Исмаила Кайтуко известно, что он окончил полный курс обучения в Нальчикской горской школе «с очень хорошими успехами». В 1871 г. Кайтуко поступил на учебу во Владикавказское ремесленное училище. Занятия в училище вели приглашенные из Москвы опытные мастера. Один из них обучал столярному делу, а другой – слесарно-кузнечному. По-видимому, по рекомендации этих преподавателей-москвичей, руководство ремесленного училища преждевременно, не дожидаясь первого выпуска, за успехи в учебе направляет Кайтуко Абаева в Московско-Рязанское железнодорожное училище, располагавшееся в Москве, для продолжения там своего образования [Сафарян 1988: 121; УЦГА АС КБР. Ф. 40. Оп. 1. Д. 43. 275-276 об.]. Кайтуко был здесь лучшим учеником и пользовался доверием преподавателей и учащихся. Об этом даже писали в областной газете «Терские ведомости»: «Абаев первый в училище и заслужил настолько доверия, что заведует училищной библиотекой» [Сафарян 1988: 121]. Окончил обучение в училище он 1876 году с присвоением звания ученый мастер, став, таким образом, первым балкарцем с техническим образованием [УЦГА АС КБР. Ф. 40. Оп. 1. Д. 43. Л. 275-276 об.]. После этого Кайтуко стал работать машинистом на Донецкой железной дороге. В возрасте 36 лет он скончался от тифа [Сафарян 1988: 121]. К сожалению, мы не обладаем сведениями, на ком был женат Кайтуко Абаев, и кто был матерью Исмаила.

О самом Исмаиле сведений тоже не очень много. Генерал-лейтенант ФСБ, доктор исторических наук, специализирующийся на истории российских спецслужб, А.А. Зданович пишет, что Исмаил имел высшее образование. В 1917-1919 гг., до установления Советской власти, работал в местных национальных органах управления на Северном Кавказе. С 1920 г. Исмаил, несмотря на свое аристократическое происхождение, стал сотрудником Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК). В начале 1922 г. был вызван в Контрразведывательный отдел Государственного политического управления (КРО ГПУ) и участвовал в целом ряде оперативных разработок контрреволюционных и националистических организаций, а также агентуры английской разведки [Зданович 2017: 440]. Таким образом, Исмаила Абаева можно считать не только первым балкарским сценаристом, но и первым контрразведчиком. По сведениям А.А. Здановича, Исмаил скончался после 1934 г. [Зданович 2017: 440].

Ведущий исследователь жизни и творчества карачаево-балкарских просветителей Т.Ш. Биттирова сообщает, что Исмаил Абаев был женат на родной сестре известного общественно-политического деятеля Северного Кавказа первой четверти XX в. Басията Шаханова Лидии, которая скончалась в 1921 г. Отцом Басията и Лидии был Абай Шаханов, происходивший из рода балкарских таубиев, выпускник Петербургской медико-хирургической академии и один из первых представителей, из числа народов Северного Кавказа, получивший высшее медицинское образование [Этюды о Балкарии 2007: 216-218].

На сайте «Кино-Театр.Ру» имеется информация, что Исмаил Аббаев литературным творчеством занимался с 1913 г. Там же приводятся и его творческие псевдонимы «Бек Абай» и «Иза»¹.

В кинофильмах-истернах 1920-х гг. о кавказском фронтире, к созданию которых в качестве автора сценария был причастен Исмаил Аббаев, запечатлены особенности природного ландшафта (горы, реки); объекты инфраструктуры (горные дороги, транспортные средства, архитектурные сооружения, промышленные предприятия); элементы традиционной духовной и материальной культуры этносов Кавказа (жилища, домашняя утварь, одежда; занятия; народные обряды и праздники). Визуальные образы, возникавшие во время просмотров фильмов, подкреплялись разъяснениями лекторов, которые во время бесед со зрителями сообщали им информацию о географическом положении и естественных богатствах Кавказа, занятиях и обычаях местных жителей [Дианова 2024: 216].

Еженедельная общественно-политическая и литературная газета «Вольный горец» (Тифлис, 1919-1920) начала выходить в сентябре 1919 г., объявив себя органом революционной демократии горских народов Северного Кавказа. Целью издания была борьба, с одной стороны, против добровольческой армии, с ее стремлением реставрировать "единую неделимую Россию", с другой стороны – воссоздание единого Кавказа и отрыв его от РСФСР (фактически установив над ним протекторат Турции). В течение своей недолгой издательской жизни «Вольный горец» выходил то один, то два раза в неделю. В качестве редакционной коллегии и издателя вначале выступал союзный меджлис горцев Кавказа. В дальнейшем редактором газеты являлся Ахмед Цаликов, а издателем – Совет обороны республики горцев Кавказа.

Экземпляры газеты имеются в библиотеке Тбилисского государственного университета². «Вольный горец» печатал материалы довольно разнообразной тематической направленности – не только о политической борьбе, событиях революции и Гражданской войны на Кавказе, но и о культуре и быте народов юга России. Так, в ряде номеров «Вольного горца» были опубликованы короткие рассказы (эскизы) под общим заголовком «Из недавнего прошлого Балкарии», подписанные автором под псевдонимом Измаил-бей, за которым скрывалось имя писателя, киносценариста и даже, в будущем, контрразведчика – Исмаила Кайтуковича Аббаева.

«Эскизы» Измаил-бея интересны тем, что они передают исторический контекст того времени и содержат этнографические сюжеты, относящиеся к повседневному быту балкарцев, которые, безусловно, находят свои параллели и у соседних народов, а также в сочинениях других бытописателей Северного Кавказа. Для удобства анализа тексты эскизов мы разбили на сюжеты, в которых прослеживаются те или иные этнографические мотивы.

В первом эскизе описываемые события происходят в 1905 г., когда в Российской империи и на Северном Кавказе, в частности, разворачивались бурные

¹ Измаил Абай (Бек Абай) - сценарист - биография - советские сценаристы - Кино-Театр.Ру // URL: <http://www.kino-teatr.ru/kino/screenwriter/sov/41287/bio/> (дата обращения: 14.04.2025).

² Вольный горец - Georgian Newspapers // URL: <http://www.nplg.gov.ge/paperge/en/browse/001439/set/> (дата обращения: 14.04.2025).

социальные протесты. В произведение вплетен целый ряд этнографических сюжетов из повседневной жизни балкарского народа, которые представляют несомненный интерес. Главными персонажами повествования являются молодые супруги Магомет и Джанет.

***Сюжет 1.** Магомет, ожидавший рождение первого ребенка, в один из дней, после утреннего намаза, объявил жене, что уходит на три-четыре дня. Тем самым, и об этом догадывалась жена, он исполнял одну из норм обычая избегания, когда отец не должен был быть в своем доме в момент рождения ребенка. При этом, опять же согласно адату, она не стала расспрашивать его, куда он собрался и как долго будет отсутствовать. Магомет решил воспользоваться таким предлогом и отправляется вместе с попутчиком-односельчанином во Владикавказ, в котором никогда не был, и заодно сделать там разные покупки для своих родных [Измаил-бей 1920а: 4].*

Такого рода обычай был зафиксирован у разных народов Северного Кавказа. Так, у чеченцев и ингушей женщины рожали, как правило, в доме мужа – в комнате брачной пары («уоти»), причем, муж не должен был находиться дома. «Когда женщина чувствует приближение родов, муж уезжает из дома и предоставляет ухаживать за родильницей родственницам или знакомым женщинам. Спустя некоторое время после родов, так дней через пять, муж возвращался домой и не обращал внимания ни на жену, ни на новорожденного», – отмечал один из дореволюционных авторов [Хасбулатова 2015: 60]. В тексте Измаил-бея, приведенном выше, говорится о трех-четырех днях, в течение которых Магомет намеревался отсутствовать в доме.

***Сюжет 2.** Интересно, что его попутчик ехал продавать во Владикавказ масло, что является штрихом к торговым связям балкарцев, главной хозяйственной специализацией которых традиционно являлось разведение крупного и мелкого рогатого скота с соседними народами [Измаил-бей 1920а: 4].*

С населением Северной Осетии у балкарцев существовали давние и тесные торговые связи. В осетинской народной песне «Эсе Кануков», посвященной событиям первой половины XVIII столетия, имеется указание на то, что осетины-дигорцы торговали с балкарцами зерном. Для того, чтобы попасть из Дигории в Балкарию, необходимо было следовать по короткой, но очень трудной дороге, вдоль рек Хызы-дон и Псыгансу. В начале XIX в. академик Г.-Ю. Клапрот отмечал, что осетины приобретали у своих соседей-балкарцев продукты домашнего промысла, в особенности сукно и высококачественные бурки. Помимо этого, балкаро-карачаевцы торговали с осетинами различными породами скота и, в частности, мелким рогатым скотом. В 1849 г. тагаурский феодал Хатокчуко Дударов во время пребывания в Балкарии приобрел у жителей селения Хулам Умара и Басиата Шакмановых восемьдесят овец, из которых шестьдесят были ягнятами, уплатив за них восемьдесят рублей серебром. В балкарских селениях Верхний Баксан (Урусбиево) и Верхний Чегем имелись специальные торговые точки, куда летом приезжали осетины и скупали скот. Кроме того, между осетинами и балкарцами поддерживались связи искусственного родства – аталычество и куначество [Баразбиев 2000: 15-16].

Имеется также архивный документ за 1893 г., представляющий собой письмо исполняющего обязанности Правителя Канцелярии Начальника Терской области и Наказного атамана Терского казачьего войска на имя Начальника Нальчикского округа, в котором говорится, что жители Балкарского общества Измаил и Ибрагим Саракаевы пригнали для продажи во Владикавказ 56 голов рогатого скота, «причем по дошедшим до Начальника области и Наказного Атамана сведениям они рассказывали на базаре, что распродают свое имущество ввиду переселения в Турцию, лично же допрошенные его Превосходительством объяснили, что продали лишь излишний скот, как занимающиеся скотоводством и что имеют еще достаточно скота для домашних нужд и ведения этой отрасли хозяйства». Далее исполняющий обязанности Правителя Канцелярии передает в письме поручение от Начальника Терской области генерал-лейтенанта Каханова расследовать действительно ли Саракаевы продали 56 голов излишнего скота, как занимающиеся скотоводством, и не распродают уже свое имущество в ожидании переезда в Турцию, и в последующем донести Его Превосходительству, т.е. Начальнику Терской области. Как следует из последующей переписки между чиновниками разного уровня, они пришли к тому, что, как отмечал в своем донесении старшина Балкарского общества князь Анзор Айдеболов, братья Саракаевы действительно продали 56 голов скота как излишки, иначе для его прокорма зимой потребовалось бы довольно много сена [УЦГА КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 279. Л. 29-31].

Сюжет 3. Прибыв во Владикавказ, Магомет со своим попутчикам разошлись по своим делам, условившись встретиться в караван-сарае. Однако, Магомет невольно становится свидетелем разгона конными казаками революционной демонстрации, получает при этом удар нагайкой. Восприняв это как личное оскорбление, он, как и подобает горцу, пускается в погоню за обидчиком, но сзади со спины вновь получает удар, падает, ударяется о бордюр тротуара и теряет сознание. Приходит в себя в полицейском участке, и вскоре, по приговору суда, отправляется отбывать срок в Сибирь [Измаил-бей 1920а: 4].

У балкарцев про поведение мужчины в таких случаях говорили: *Эр терсликни унамаз – Мужчина не потерпит несправедливости*. Или: *Жигит киши сакъат санын эслетмез – Смелый мужчина не заметит ранения* [Карачаево-балкарские... 2005: 16, 21].

Сюжет 4. По прошествии долгого времени, родственники, потеряв надежду на то, что Магомет жив, стали убеждать Джанет повторно выйти замуж. Спустя шесть лет после пропажи мужа ее пытались снова засватать, но она отвергла возможность повторного замужества, говоря, что не пойдет на такой шаг, пока не увидит сама могилы мужа, либо кто-нибудь под присягой не подтвердит его смерть. На упреки родных, что она противится воле старших, она ответила, что исполняет долг подчинения мужу, который, уходя, сказал, что вернется. Прошло восемь лет, не одна сотня аршин шерстяной ткани была выткана Джанет [Измаил-бей 1920а: 4].

Реальные случаи из повседневной жизни балкарцев, связанные с проблемой ожидания женами своих мужей, оказавшихся, подобно Магомету, в силу ряда причин, надолго за пределами родных мест, нашли отражение в архивных

документах XIX века. Так, в апреле 1864 года балкарец из сословия таубиев Басиат Айдебулов подал прошение на имя тогдашнего начальника Терской области М.Т. Лорис-Меликова, в котором писал, что зять его Бекмурза Кучуков не более двух лет назад был сослан на каторгу, «и жена его (моя сестра) перешла жить ко мне, и ныне проживает; которую согласно ее желания и намеревался отдать замуж за другого, но родственники сосланного не дозволяют, говоря, что сосланный возвратится. Законами Августейшаго Монарха предписано, если жена сосланного пожелает с ним жить во время ссылки им дозвоительно и по возвращении не возбраняется но сестра моя вовсе не желает иметь такого мужа как сосланный, который лишен был всех прав состояния поэтому и доброго имени и по тому ни в каком случае быть женою каторжаного не желает. Ваше Превосходительство будьте благодетельны прикажите чрез кого следует, чтобы родственники сосланного пока сестра моя молода не препятствовали выдти замуж за кого пожелает, - на что и буду ожидать милостивой резолюции Вашего Превосходительства» [УЦГА РСО-А. Ф. 12. Оп. 6. Д. 300. Л. 1, 1 об.].

В рапорте по данному делу начальника Кабардинского округа полковника Нурида на имя М.Т. Лорис-Меликова было сказано, что Туземские племена Терской области имеющие две секты (*мазхаба* – М.Б., Х.Г.): Шафия, Шариат которой позволяет женщине выйти во второй брак, если только муж ее не явится к ней в продолжение 4 лет; этой секты придерживаются Кумыки, Чеченцы и Ингуши; вторая секта Ханифи – Шариат которой воспрещает женщине выходить во второй брак, если только муж ее не развелся с ней по существующему обычаю, то она считается его женою, где бы он не был, по жизнь его, этой секты следуют Кабардинцы, Осетины и Горцы. На просьбу Айдебулова в копии препровожденной при надписи Канцелярии, от 16 прош. Августа за № 2371, я полагал бы разрешить сестре его согласно ст. 50 X т. 1-й части гражданских законов выйти во второй брак». Как видно из рапорта Нурида, ханафитский мазхаб, которого придерживались, в том числе, и балкарцы, не позволял женщине повторно выходить замуж, если она не получила развода от мужа, пусть даже он находится долго далеко от дома.

Надпись на рапорте Нурида гласила: «И.Д. Начальника Области признал возможным разрешить сестре Айдебулова вторично выйдти замуж в таком только случае если это не возбудит неудовольствия в народе, которому обещано что его религия и семейные отношения останутся неприкосновенными» [УЦГА РСО-А. Ф. 12. Оп. 6. Д. 300. Л. 8, 8 об.]. В итоге, согласно очередному рапорту полковника Нурида на имя начальника Терской области от января 1868 года, то есть по прошествии четырех лет после подачи прошения Айдебуловым, «жена, сосланного в арестантския роты Бек-Мурзы Абаева, объявила, что не желает выходить вторично замуж и будет ожидать возвращения мужа на родину» [УЦГА РСО-А. Ф. 12. Оп. 6. Д.300. Л. 10, 10 об.].

В последнем предложении отрывка из рассказа мы видим указание на основной род занятий балкарских женщин – изготовление сукна из шерсти (на балк. – *айырыу чепкен, сюзюк чепкен*), которое славилось далеко за пределами Балкарии. Часть сукон шла на изготовление одежды: черкесок, башлыков, часть – на продажу и обмен на фабричные товары. Выделывали шкуры, из которых

шили шубы, шапки и т.д. Наиболее трудоемкие работы, например, изготовление ковров, выполняли сообща, силами всех женщин семьи. Иногда приглашались известные мастерицы. Такой вид коллективной трудовой деятельности назывался *изеу* – взаимопомощь [Кучмезова 2003: 34].

Сюжет 5. Началась Первая мировая война. Согласно Манифесту, были освобождены многие, в том числе Магомет. Он ни с кем не делился своей радостью, но сильно билось его сердце, когда он, спустя восемь лет вновь оказался на улицах Владикавказа, имея даже при себе деньги, которые он скопил, работая в ссылке. Владея уже русским языком, путем расспросов он смог найти улицу Краснорядскую, до которой не дошел в первый раз. Там он в торговых рядах купил для матери материал для платья, красивый кутаисский шелковый платок, а у серебряка-дагестанца приобрел кинжал и красивый мужской пояс. Так, спустя много лет исполнив задуманное, Магомет направился в сторону родных гор. По пути ему попался всадник-кабардинец, который за небольшую плату согласился подвезти его. В пути он проявляет себя как скромный немногословный горец, скупно отвечая на расспросы своего попутчика [Измаил-бей 1920а: 4].

Как известно, излишнее многословие, особенно у мужчин, было порицаемо в горской среде. Николай Караулов в своем этнографическом очерке «Болкары на Кавказе» отмечал: «К оскорблениям балкарцы очень чувствительны (вспомним реакцию Магомета на удар плетью сзади – М.Б., Х.Г.). Ложь и пустословие у них порицается» [Далгат и др. 2009: 55)]. Как гласила балкарская мудрость, *Кёп селешген кёп жангылыр* – Много говорящий помногу ошибается [Карачаево-балкарские пословицы...2005: 66].

Под манифестом, о котором идет речь в данном сюжете рассказа, понимаются, вероятно, декларации Временного правительства, инициированные А.Ф. Керенским как министром юстиции Временного правительства, от 2 и 6 марта 1917 г., которыми он распорядился амнистировать всех политических заключенных, благодаря чему из тюрем на свободу вышли тысячи членов самых разных политических организаций, включая большевиков, эсеров и анархистов¹.

Сюжет 6. К вечеру он доехал до своего аула и, не ускоряя шага [подчеркивает автор], направляется к своей осевшей в землю сакле. Уверенной рукой хозяина он отворяет низкую дверь сакли, входит в дом. Джанет, сидевшая за ткацким станком, услышав, что кто-то вошел в дом, встала и прошла к своему месту у очага. Магомет, молча сбросив с плеча мешок с вещами, купленными во Владикавказе, обвел саклю взглядом, посмотрел на жену и только сказал «Я пришел». Найдя на обычном месте кумган с водой, он взял его и вышел умыться с дороги. Джанет, разостлав уцелевшую скатерть, подала на нее кукурузный чурек и кусок горского сыра. Ни одного вопроса не задала она мужу, пока он утолял свой голод. И только когда, утолив свой голод, Магомет вопросительно взглянул на нее, она ушла в кунацкую, разбудила сына и вышла с ним к отцу, проронив только: «Его зовут – Измаил». Окинув взглядом мальчика, Магомет ответил: «Пусть идет спать. Разбери то, что я принес», и указал жене на мешок с

¹ О мобилизации заключенных в Первую мировую войну рассказали в архиве – Родина // URL: <https://rodina-history.ru/2024/07/31/o-mobilizacii-zakliuchennyh-v-pervuiu-mirovuiu-voynu-rasskazali-v-arhive.html> (дата обращения: 01.06.2025).

покупками, за которыми он вышел из родной сакли восемь лет назад [Измаил-бей 1920a: 4].

И здесь мы видим следованию обычаю, по которому жена не спрашивала мужа, куда и зачем он идет, если он не считал нужным сказать об этом. Она должна была только собрать мужа в дорогу и верно ждать его возвращения. По этому поводу у балкарцев говорили: *Ахшы къатын эрине ууакъ-тюек сормаз* – *Хорошая жена не будет донимать мужа расспросами* [Ёзден адет 2001: 89].

А что касается кукурузного чурека и куска горского сыра, поданных женой Магомету, то на неприхотливость балкарцев в пище указывали бытописатели их традиционного быта: «Ежедневная пища горца, – писал Е. Баранов, – очень проста и состоит из *киржинов*, пресных ячменных лепешек, выпеченных в горячей золе, козьего сыра и *айрана*, напиток из кислого молока, мясо же бывает не каждый день на обеденном столе горца» [Макаров Т. и др. 2009: 22].

Второй Эскиз. Во втором Эскизе Измаил-бея под названием «Во власти адата» продолжается тема супружеской верности в традиционном горском обществе. Рассказ начинается с описания «тоя» (*той*, с балкарского – свадьба, празднество) – выдачи замуж дочери Кайтука, красавицы Фатимат, за молодого мужа Меджидида.

Каждый вечер, следуя адату, невеста, одетая в кованую парчу, на высоких, привязанных к ногам деревянных подставках, у очага своей разубранной сакли, ждет мужа. Он же, тоже следуя адату, должен тайком, глубокой ночью прийти к ней, и задолго до зари также незаметно скрыться, чтобы утром вновь оказаться в кругу своих друзей, показывая тем самым, что ласки жены несколько его не изменили и ему по-прежнему дороги его конь и молодецкие набеги. При этом жена его каждый вечер, при полном наряде, стоя у очага, должна дожидаться его. И будет стыдно, если муж застанет ее спящей. Четыре дня уже длился «той», а Меджид так и не наведился к своей жене. Темной ночью прискакал гонец с тревожной вестью о том, что враг напал на соседний аул и разграбил его. Тут же Меджид с товарищами вихрем помчались на подмогу. Горячая схватка перешла в многомесячный далекий поход. Уже часть всадников вернулась домой, но Меджид не думал вернуться, пока не затихнет звон оружия. Иначе люди скажут, что он оставил поле брани ради молодой жены: «Так велит адат». Уже заканчивался седьмой месяц войны, Меджид все не возвращался, а его жена по-прежнему каждый вечер ждала его у очага с приготовленным ужином. Темной безлунной ночью за дверью сакли послышался топот копыт, дверь широко распахнулась и люди, снявшие за порогом все свое оружие, внесли завернутого в бурку мертвого Меджидида. Без стоны, без слез, в полном костюме невесты, поклоном встретила Фатимат своего мужа [Измаил-бей 1920b: 4].

В приведенном отрывке обращает на себя внимание такой элемент традиционной женской одежды, как обувь на высоких, привязанных к ногам деревянных подставках, известная в Европе как *чопины*, в кабардинской – *пхъэвакъэ*, в карачаево-балкарской среде – *агъач аякъ кийим* [Султанова 2016: 96]. Такой тип обуви выполнял одновременно и утилитарную функцию, позволяя избежать

загрязнения подола женского платья, и статусную, являясь маркером принадлежности женщины к феодальной среде [Студенецкая 1989: 55].

Что касается упомянутого в сюжете обычая тайного посещения мужем своей жены, пока идет свадебный пир, которого так и не успел исполнить Меджид, то мы находим упоминание и о нем у бытописателей традиционного балкарского общества. В частности, Б.А. Ланге в своих заметках «Балкария и балкарцы» отмечал: «По приезде невесты он [жених] не показывается ей и не участвует в брачном пире. Больше того, он в течение более или менее продолжительного времени может видаться со своей женой только тайком и живет с нею не у себя дома, а у одного из наиболее близких своих приятелей, с которым после этого у него устанавливаются такие же отношения родства, как и с воспитателем (аталыком), и который называется *болушем*» (балк. – *болуш юй*, в переводе – дом-прибежище; М.Б., Х.Г.) [Макаров Т. и др. 2009: 57].

Третий эскиз. В третьем эскизе Измаил-бея из серии «Во власти адата» рассказывается об избавлении от кровной мести с помощью обряда усыновления. *Вначале автор описывает пейзаж, в который помещает белоснежную вершину Кошкотау, вековые сосны на склонах ущелья, неудержимое течение реки Баксан. Далее появляется фигура всадника, над которым нависла угроза кровной мести из-за убийства им, в пылу неожиданно возникшей ссоры, Темира, а затем, уже при защите своей жизни, его брата Солтана. Причем, отцы этих молодых людей были дружны между собой. Виновник трагедии пытался заплатить какой угодно выкуп за пролитую кровь, но другая сторона отвергла это. Знал он, что мать погибших братьев сама «заседлала коня» последнему сыну, который вместе с двоюродными и молочными братьями поклялся не возвращаться в аул, пока не отомстит.*

Кровной вражде, по замыслу автора, предшествовала большая любовь скрывающегося от мести парня к девушке Сювер – сестре убитых братьев. Погруженный в тяжелые думы о разрушенных мечтах, убийца услышал топот копыт своих преследователей и бросился вскачь от погони. Проскочив поворот в свой аул, поскольку дорогу туда отрезала вторая группа преследователей, он поскакал по дороге, ведущей в аул его врагов, чтобы достигнуть сакли своей возлюбленной, в которой не раз бывал гостем. Уже будучи раненым выстрелом в плечо, он достигает дверей знакомой сакли, спешивается с коня, врывается в дом, в котором находит мать убитых им братьев, успевает схватить ее за руки и поцеловать в грудь. Женщина тихо освободила руку и прикрыла концом головного платка прильнувшую к ее груди голову парня. В этот момент в дом, обнажив шапки, ворвались преследователи. Но, увидев женщину, прикрывшую платком и рукой голову парня, замерли на месте. Она промолвила:

– Вот новый брат ваш.

Так была окончена вражда. «Мимо раскрытых дверей тихо промелькнула фигурка стройной Сювер» - заканчивает свой рассказ Измаил-бей [Измаил-бей 2020с: 4].

Сюжет о женской груди как о своего рода обереге, прикосновение к которой является гарантией безопасности для героя, попавшего в опасную для его жизни ситуацию, является во многом архетипичным. Так, например, в одном из

сказаний карачаево-балкарского варианта нартского эпоса о том, как нарт Алауган женился на Эмегенше, говорится, что, войдя в огромный дом Эмегенши, Алауган сразу бросился к ее грудям, которые она забрасывала за спину, и приложился к ним, тем самым обеспечив себе неприкосновенность. По обычаю, великанша вынуждена была его усыновить, о чем сообщила вернувшимся вскоре своим сыновьям. Последним ничего не оставалось делать, как признать данный факт. После чего Алауган обратился к ним с просьбой отдать за него их сестру и, пройдя ряд испытаний, получил на это согласие братьев-эмегенов [Нарты 1994: 403-404].

Похожий сюжет, когда женская грудь становится спасительным прибежищем от мести, встречается в «Сказаниях о братьях Ешаноковых», опубликованном кабардинским просветителем Талибом Кашежевым (1866-1931). В одном из сказаний говорится о том, как братья Кефишевы, спасаясь от мести со стороны Ешаноковых, «прибегли к народному кабардинскому средству: в отсутствие братьев, они явились к ним в дом и, бросившись к их старушке-матери, стали по очереди сосать ее грудь, объявив при этом: «Мы уже теперь такие же твои сыновья, как Уозырмес и Темиркан». Когда братья Уозырмес и Темиркан вернулись вечером с охоты, мать рассказала им о случившемся и попросила относиться к Кефишевым как к родным братьям. «Это нам очень неприятно – сказал старший сын – но что же делать? Своей рукою мы теперь мстить не можем»¹.

В четвертом эскизе Измаил-бея из серии «Во власти адата» рассказывается о воспитании балкарца в Черкесии по обычаю аталычества. Начинается рассказ с рождения сына у Мисоста.

***Сюжет 1.** Со всех пяти ущелий Балкарии, с Карачая и Сванетии съехались гости на веселый той. Не потухали уже четвертый день огни, на которых жарилась и варилась пища и радовался Мисост обилию гостей [Измаил-бей 2020d: 3-4].*

По поводу связей балкарцев со Сванетией и другими историческими областями Грузии первый балкарский историк Мисост Абаев в своем историческом очерке «Балкария» писал, что балкарцы издавна имели сношения с Грузией, Имеретией, получая оттуда материи, железо, соль, фрукты и т.п., а сами взамен этого отправляли туда разный скот, овечью шерсть, шерстяные изделия – черкески, бурки, войлоки и т.п. При этом он отмечал и столкновения, происходившие между собственно Балкарским обществом и жителями грузинской области Рача, а также между Балкарией и Вольной Сванетией. «Только княжеская Сванетия, - утверждал М. Абаев - имея сношения с Балкарией через ближайшее Баксанское («Урусбиевское») общество, находилась всегда в дружбе, и князя ее связались родством с таубиями посредством браков» [Биттирова, Сабанчиев 2017: 50-51].

Действительно, между карачаево-балкарцами и сванами существовали давние и многообразные связи, чему способствовали и этногенетическое родство, и близкое соседство (сваны граничили с карачаево-балкарцами с юга), что нашло отражение в фольклорных текстах этих народов, в архивных материалах, трудах

¹ Кабардинские сказки - Обычное право (адаты) / URL: <https://lab-adat.ru/?p=382> (дата обращения: 12.06.2025).

авторов досоветского периода. В 1959 г. на Научной сессии, посвященной проблеме происхождения балкарского и карачаевского народов, с докладом о сванско-балкарских этнокультурных взаимоотношениях выступили А.И. Робакидзе и Р.Л. Харадзе [Робакидзе, Харадзе: 135-152]. В 1978 г. была защищена диссертация Т.Ш. Мибчуани на соискание ученой степени кандидата исторических наук, посвященная этнокультурным связям горцев Грузии (сванов) с балкарцами и карачаевцами [Мибчуани 1978].

Сюжет 2. *За два дня до рождения сына к Мисосту заезжал гость с Кубани. По адату, Богом посланного гостя просили дать имя новорожденному и в память присутствия гостя в этот радостный день, решено было отдать сына к аталыкам на Кубань. Тем самым семья новорожденного желала сблизиться с черкесским народом, а также учитывала близость с пограничной линией русских, что в будущем давало возможность молодому человеку проявить свои мужество и отвагу* [Измаил-бей 2020d: 3-4].

У балкарцев, как и у других кавказских народов, бытовал институт аталычества, т.е. обычай отдавать детей на воспитание в чужую семью, поэтому многие дети из привилегированных сословий вырастали в семьях своих аталыков (воспитателей) как в самой Балкарии, так и в Кабарде, Осетии, Карачае и т.д. Оценку результатов воспитания, усвоения этических норм давало общество, которое и само, в свою очередь, влияло на формирование личности [Кучмезова 2003: 30]. В приведенном отрывке из рассказа Измаил-бея речь идет даже о кубанских черкесах. О значении, которое придавалось выбору аталыка, говорит балкарская пословица: *Аталыкъны сайлай бил, сайласанг а сыйлай бил - Умей правильно выбрать аталыка, а если выбрал, то умей оказать ему почет и уважение* [Ёзден адет 2001: 91].

На примере бытования обычая аталычества у черкесов Хан-Гирей в своем сочинении «Записки о Черкесии» писал: «Не видно в Черкесии примера, чтобы дети человека значительного воспитывались в родительском доме, под надзором родителей, напротив того, по рождении младенца немедленно отдают его на воспитание в чужие руки, т.е. в руки человека, избранного в дядьки. Этот избранный нередко приезжает еще до рождения младенца в дом того, которого получил согласие взять на воспитание будущее его дитя, и там ждет разрешения от бремени матери будущего своего воспитанника, после чего, сделав приличное торжество в доме родителей, возвращается к себе с новорожденным младенцем, который под его попечением воспитывается до совершенного возраста» [Хан-Гирей 1992: 260].

Сюжет 3. *По адату сын не мог вернуться от своих воспитателей, пока не прославит свое имя в боях и тем самым не заслужит право быть принятым в свой род. Как про себя надеялся Мисост, пребывание сына на Кубани сократит срок разлуки с ним, поскольку именно там есть возможность рано проявить свою удаль и получить признание у людей. По совету гостя выбрали простую, бедную семью, чтобы мальчик закалился в суровых условиях и связал узы искусственного родства не со знатной, княжеской семьей. Этого требовал адат* [Измаил-бей 2020d: 3-4].

Хан-Гирей в упомянутом сочинении «Записки о Черкесии» писал о роли аталыка: «Воспитатель, или аталык прилагает свои попечения о том, чтобы его

воспитанник был ловок, учтив в обхождении с старшими, а с младшими – соблюдал приличие своего звания, равно как неумомим в верховой езде и искусен в употреблении оружия. Аталыки ездят с ними в отдаленные племена, чтобы приобрести вновь вступающему на стезю наездничества друзей и знакомых. Когда же воспитанник придет в совершенный возраст, то воспитатель возвращает его в дом родителя с торжеством, состоящим в том, что аталык с своим семейством, в сопровождении своих родственников и друзей, с арбами, наполненными яствами и напитками, является в дом родителей своего воспитанника, которого в этот день богато одевают и вооружают блестящими доспехами. Тут открывается семидневное пиршество: игры, забавы и пляски сменяются одна другою... По окончании торжества отец воспитанника щедро дарит воспитателя и тех, кто с ним, которые были приглашены этим последним. После этого они возвращаются в свои дома» [Хан-Гирей 1992: 261-262].

Сюжет 4. *Стали дожидаться приезда аталыков и готовиться к их торжественной встрече. Пока же празднество было в разгаре. Танцы, лихая джигитовка, игра в мяч, в которой принимал участие весь аул, разделенный на две партии и вооруженный длинными палками со слегка загнутыми концами. Каждая партия старалась загнать кожаный мяч в свой лагерь. Эта излюбленная игра велась ночью при свете ряда громадных костров пешими, днем ее вели всадники, загонявшие иногда мяч далеко от аула. По страстности, проявляемой играющими, особенно верховыми, эпизоды игры походили на боевые схватки и были случаи, хотя и редкие, когда кто-нибудь из играющих погибал под копытами лошадей. Но такие случаи не вызывали кровомщения, поскольку считались посланными судьбой* [Измаил-бей 2020d: 3-4].

О похожем народном игрище, некоем аналоге поло (балк. *гулоч оюн*), существовавшем у балкарцев, рассказывают и наши информанты. Например, в с. Нижний Чегем, на одном из горных плато, молодые парни, поделенные на команды, в темное время, сидя верхом на лошадях, с помощью палок с загнутым концом (балк. *гулоч таякъ*) гоняли мяч, сделанный, по одним данным, из шишковидного нароста на стволах деревьев (балк. – *бокъур*), по другим – из древесного гриба, который поджигался для лучшей видимости в темноте и большего зрелищного эффекта. Также существовал и пеший вариант, аналог хоккея на траве, о котором нам рассказал информант из п. Терскол¹.

Саид Отаров (1903-1975) – балкарский поэт, один из основоположников национальной литературы советского периода, известный собиратель родного фольклора, детство которого пришлось на дореволюционную эпоху, в своем поэтнографически замечательном стихотворении «*Бурунгу сабий оюнла*» (в переводе: «Старинные детские игры» – Б.М., Г.Х.), вспоминая различные игры, в которые он играл со сверстниками в детстве (*ашыкъ оюн* – игра в альчики; *хайнух оюн* – игра с волчком; *тутуш* – борьба; *илишаннга атыу* – попадание в цель в виде сооружения из камня; «*аймыса, кюнмюсе*» («Ты Луна или Солнце?») –

¹ Информация записана со слов профессора КБГУ Муссы Бахаутдиновича Кетенчиева (1963 г.р., КБР, с. Нижний Чегем), который слышал ее от своего школьного учителя Малкарова Исмаила Аскеровича (1915 г.р., КБР, с. Нижний Чегем), а также со слов Эльмезова Абдулкерима Мукаевича (1960 г.р., КБР, п. Эльбрус), который слышал ее от своего отца Эльмезова Мукая Дагитовича (1896 г.р., КБР, п. Эльбрус).

перетягивание палки друг у друга; *чюйке уруу* – попадание в катушку; *бёрк алыу* – поднятие шапки зубами с земли, изогнувшись мостиком, и др.), упоминает и *гулоч оюн*:

*Гулоч бла тобну уруб,
Жокку болуб кьуууучек,
Басынышыб сермеигенде,
Инчикни уруучек...*¹

*Ударив клюшкой по мячу,
Сбившись в кучку, гоняли его,
Толкаясь в борьбе,
Попадая (друг другу) по лодыжкам...*
(Подстрочный перевод наш – Б.М., Г.Х.).

Молодежь развлекалась метанием каменных ядер и стрельбой в цель. Победитель получал какую-то незамысловатую награду. Так день за днем аул веселился уже около недели на тое Мисоста [Измаил-бей 2020d: 3-4].

В карачаево-балкарской этнографии известно большое количество разнообразных народных игр. Упомянутые в тексте Измаил-бея метание каменных ядер известно как *кьол таш (имбаиш таш)* [Таумурзаев 1998: 10-12], а стрельба в цель – *илишан атыу* [Там же: 30-32].

Сюжет 5. *Наконец в аул Мисоста прибыли с Кубани аталыки, чтобы принять новорожденного. Мисост богато их одарил, и после прощального пира гости покинули аул. До самой Кубани хватило уехавшим разговоров про гостеприимство и щедрые подарки Мисоста. Достигнув своего аула, приемный отец Ибрагима (так звали младенца) взял его из рук матери, вошел в саклю, где сидел старейшина рода, и со словами: «Вот сын мой и дома моего» – положил ребенка к ногам старика на землю. Старик поднялся и благословил дитя. С этого мгновения сын Мисоста, из далекой Балкарии, был связан узами родства со всей принявшей его на воспитание черкесской фамилией [Измаил-бей 2020d: 3-4].*

Мисост Абаев, рассуждая о причинах распространения аталычества среди самих балкарцев, писал: «Чтобы спасти себя от нападений балкарцев (здесь: жителей собственно Балкарского общества (Малкъара) – М.Б., Х.Г.), таубии других обществ поспешили сродниться с балкарскими таубиями путем совершения браков, а простые роды тех обществ прибегали под покровительство балкарских таубиев: становясь их эмчеками (молочными родственниками – М.Б., Х.Г.), платя им за это известную дань и воспитывая их детей. В последнем случае они делались «аталыками» таубиев, что означает воспитатель, и это было основано на обычае или, правильнее, на понятии, по которому для жен таубиев считалось стыдом кормить своих детей грудью и с 1-го же дня рождения детей отдавали на воспитание – кормление в дом своих подчиненных, где имелись женщины с новорожденными детьми, эти-то кормилицы считались «аталыками»; это

¹ Отаров Саид. Тепло весны / На балк.яз. – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1968. – С. 34-36 (76 с.).

аталычество не успело еще и теперь выйти из моды окончательно... И сейчас есть еще живые балкарские таубии, кормилицами, т.е. аталыками которых были кабардинцы и осетины, много и других данных, говорящих о значительном влиянии балкарских таубиев...» [Биттирова Сабанчиев 2017: 65-66]. Здесь надо отметить, что термин «аталык» по смыслу был больше применим к воспитателям мужского пола (балкарское и общетюркское *ата* – *отец*, соответственно *аталык* – выполнение роли отца – М.Б., Х.Г.), женщину-кормилицу на балкарском называли *эмчек ана* – *молочная мать*.

Сюжет 6. Прошли года. Ибрагим рос в сакле аталыка со своими молочными братьями. Иногда он слышал рассказы об адатах своей родины, мечтая вернуться к своей кровной родне. Но это было возможно только после обретения статуса воина. Ибрагим уже успел поучаствовать в своем первом походе. Нужно было, чтобы горячо им любимый приемный отец мог с гордостью сказать родному отцу: «Вот сын твой, которого возвращаю тебе» [Измаил-бей 2020d: 3-4].

Как видно из текста, Ибрагим должен был пройти своего рода инициацию через участие в первом бою, доказав тем самым свою мужскую зрелость. По поводу того, что мужчина познается в испытаниях, балкарская пословица гласит: *Окъ садакъсыз атымлаз, эр сынаусуз танымлаз* – *Стрела не выстрелит без лука, мужество не проявится без испытания* [Карачаево-балкарские...2005: 19].

Сюжет 7. В первых боях рядом с Ибрагимом были его приемный отец и молочные братья. Но спустя время, возмужав, он сам стал признанным военным вождем, снискав славу у черкесов. Песни о подвигах Ибрагима докатились до Балкарии и его отца, который услышал песню о подвигах сына из уст народного певца. Мисост был горд за него, но никак не выдал внешне своей радости. Все чаще и чаще народная молва доносила до аулов Балкарии вести о подвигах Ибрагима, пока не пришло известие, что он тяжело ранен. Раны были тяжелые, выздоровления не наступало, и решено было отвезти Ибрагима в родной аул, в надежде, что в своих горах здоровье пойдет на поправку. При въезде в аул сопровождавших Ибрагима людей торжественно встретил старейший из рода Мисоста. Адат не давал возможности вести сына к отцу прежде, чем он будет принят старшим из своего рода. Несмотря на немоющее состояние здоровья Ибрагима, в доме устроили пир в честь прибытия аталыков. Старшие рода, понимая, что Ибрагим не оправится от ран, послали к отцу сказать, что он может навестить его. Тем самым они делали исключение из правил адата, согласно которым отец не должен первым навещать сына. Мисост не пришел. Наступил смертный час Ибрагима. Снова послали к отцу сказать: «Иди, сын умирает». Не выдержало сердце Мисоста и он пошел. Над головой тяжело больного Ибрагима, от одной стены к другой, как это было принято в таких случаях у горцев, была протянута туго натянутая веревка, с помощью которой можно было приподниматься или поворачиваться на бок. Возле Ибрагима угрюмо стояли его молочные братья. Когда он доживал последние мгновения своей жизни, в саклю вошел его аталык и сказал: «Отец идет». Умирающий Ибрагим рванулся было, чтобы встать при отце, схватившись последним усилием воли за веревку, протянутую над ним, но так и застыл на ней мертвым. Мисост молча

отвернулся от трупа своего сына и лишь промолвив: «Хороший был сын» - вышел из сакли. Два дня со спокойным лицом чествовал своих гостей Мисост, глубоко в себе затаив горе. Богато он одарил аталыков за примерное воспитание сына и вместе с ними выехал на Кубань с целью мщения, как можно понять из образного финала рассказа: «Ярким заревом озарились хутора и станицы. И, пока не подошла пехота, пока не заговорили в защиту русских поселений пушки, до тех пор правилась тризна по Ибрагиму» [Измаил-бей 2020d: 3-4].

Подобную историю, но на адыгском материале, приводит С.Х. Мафедзев: «Как известно, в прошлом детей знати адыгов воспитывали в "чужом доме", у аталыка, и они росли с рождения до совершеннолетия, не видя своих родителей. Один такой воспитанник был тяжело ранен. Перед смертью он попросил, чтобы хотя бы один раз ему показали родного отца. Об этом сообщили последнему, и он приехал в дом, где лежал умирающий сын. *Адыгэ хабзэ* (здесь и далее курсив наш – М.Б., Х.Г.) не позволяло, как уже сказано, ни сидеть, ни лежать при отце. Поэтому раненный встал при помощи других с постели и встретил своего отца, как и надлежало, стоя. Он стоял, друзья поддерживали его, а отец сидел и смотрел на умирающего сына. Но недолго это продолжалось. Отец встал и сказал: "Я не посмотрелся на своего несчастного сына, но все же я вынужден уйти, ибо стоять ему тяжело, а лечь при мне он не смеет". Отец ушел, а сын тут же упал и умер. Наверное, это жестоко в современном нашем понимании, но таковы были требования *адыгэ хабзэ*, таково было понятие о чести» [Мафедзев С.Х. Культурно-исторический журнал «Адыги»].

Заключение

Таковы основные этнографические сюжеты, выявленные нами в произведениях малой прозы Исмаила (Измаил-бея) Абаева, в которых содержится интересный материал о традиционном семейном и общественном быте балкарского народа, свидетелем которых был и сам автор, живший в конце XIX – первой трети XX в., когда во всем государстве в целом и в горских обществах Северного Кавказа, в частности, происходил слом старого уклада и наступление совершенно новой эпохи. Свидетельством тому – биография самого Исмаила Абаева, ставшего первым прозаиком из числа балкарцев, писавшим к тому же на русском языке, часть произведений которого была опубликована в печатном органе кавказских меньшевиков, – газете «Вольный горец», – а также одним из первых, если не самым первым, киносценаристов из числа северокавказских народов, причем в эпоху становления игрового кино как нового вида искусства.

В своих небольших рассказах, названных эскизами, И.К. Абаев попытался охватить разные стороны традиционного быта балкарского народа: свадебные обычаи, народные игрища, хозяйственные занятия, торговые и родственные связи с соседними народами, обычаи кровной мести и аталычества. При этом часть сюжетов его рассказов помещена в определенный исторический контекст, в частности событий начала XX в., происходивших в Российской империи.

Таким образом, уверенно можно сказать, что биография и творчество Исмаила Абаева дают интересный и ценный материал для исследователей-балкароведов, но, при этом, требуют дальнейшего, еще более глубокого изучения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Баразбиев 2000 – *Баразбиев М.И.* Этнокультурные связи балкарцев и карачаевцев с народами Кавказа в XVIII – начале XX века. – Нальчик: Эльбрус, 2000. – 112 с.
- Баразбиев 2011 – *Баразбиев М.И.* Карачаево-балкарские аристократы – ветераны Собственного Его Императорского Величества Конвоя // «Нам Богом и Царем дарованная честь...». К 200-летию Собственного Его Императорского Величества Конвоя / Материалы VII Международных Дворянских чтений (12-13 ноября 2011 г.). – Краснодар, 2011. – С. 59-60.
- Биттирова, Сабанчиев 2017 – *Биттирова Т.Ш., Сабанчиев Х.-М.А.* Мисост Абаев: историк, публицист, общественный деятель. – Нальчик: ООО «Печатный двор», 2017. – 224 с.
- Далгат и др. 2009 – *Далгат Б.* Поездка к Чегемским ледникам / П. Стеблинский. Путешествие в Балкарию / Н.А. Караулов. Болкары на Кавказе. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2009. – 56 с.
- Дианова 2024 – *Дианова Е.В.* Советские истерны/остерны 1920-х годов: приключенческие фильмы о Кавказском фронте // Журнал Фронтирных Исследований. – 2024. – № 3. – С. 200-225.
- Ёзден адет 2001 – *Ёзден адет.* Этический кодекс аланского (карачаево-балкарского) народа / Сост. и перевод Махти Джуртубаева. – Нальчик: Б.и., 2001. – 281 с.
- Зданович 2017 – *Зданович А.А.* Польский крест советской контрразведки. Польская линия в работе ВЧК-НКВД. 1919-1938. – М., 2017. – 498 с.
- Измаил-бей 1920a – *Измаил-бей.* Из недавнего прошлого Балкарии // Газ. «Вольный горец». – 1920. – № 39 (7 июня 1920 года). – С. 4.
- Измаил-бей 1920b – *Измаил-бей.* Во власти адата // Газ. «Вольный горец». – 1920. – № 41(21 июня). – С. 4.
- Измаил-бей 1920c – *Измаил-бей.* Во власти адата // Газ. «Вольный горец». – 1920. – № 42 (28 июня). – С. 4.
- Измаил-бей 1920d – *Измаил-бей.* Во власти адата // Газ. «Вольный горец». – 1920. – № 63 (22 ноября). – С. 3-4.
- Карачаево-балкарские...2005 – *Карачаево-балкарские* пословицы и поговорки / Сост. Х.Ч. Джуртубаев. – Нальчик: Эльбрус, 2005 – 192 с.
- Кучмезова 2003 – *Кучмезова М. Ч.* Соционормативная культура балкарцев: традиции и современность. – Нальчик: Эль-фа, 2003. – 210 с.
- Макаров и др. 2009 – *Макаров Т.* Татарское племя на Кавказе / Е. Баранов. Поездка в Урусбиевское общество горских татар. Очерки из жизни горских татар Кабарды / Б.А. Ланге. Балкария и балкарцы. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2009. – 60 с. (Карачай и Балкария: Страницы прошлого).
- Мафедзев 1991 – *Мафедзев С.Х.* О национальном самосознании: на примере адыгов // Адыги. Культурно-исторический журнал. – 1991. – № 1. – С. 120-129.
- Мибчуани 1978 – *Мибчуани Т.Ш.* Этнокультурные связи горцев Грузии (сванов) с балкарцами и карачаевцами (по историко-этнографическим материалам). Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук: 07.00.07. – Тбилиси, 1978. – 24 с.
- Нарты 1994 – *Нарты.* Героический эпос балкарцев и карачаевцев. – М.: Наука: Издательская фирма «Восточная литература», 1994. – 656 с.
- Робакидзе, Харадзе 1960 – *Робакидзе А.И. и Харадзе Р.Л.* К вопросу о сванско-балкарских этнокультурных взаимоотношениях // Материалы научной сессии по проблеме происхождения балкарского и карачаевского народов (22–26 июня 1959 г.). – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1960. – С. 135-153.
- Сафарян 1988 – *Сафарян С.Н.* Султан-Бек Абаев. – Нальчик: Эльбрус, 1988 – 152 с.
- Студенецкая 1989 – *Студенецкая Е.Н.* Одежда народов Северного Кавказа. XVIII – XX вв. – М.: Наука, 1989. – 288 с.
- Султанова 2016 – *Султанова А.М.* Орнаментальный декор в традиционном искусстве карачаевцев и балкарцев. – Нальчик: Эльбрус, 2016. – 120 с.

Таумурзаев, Байрамкулов 1998 – *Таумурзаев Д.М., Байрамкулов Х.К.* Карачаево-балкарские народные игры (на балкарском языке). – Нальчик: Эльбрус, 1998. – 208 с.

УЦГА АС КБР – Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики. – Нальчик.

УЦГА РСО-А – Управление Центрального государственного архива Республики Северная Осетия – Алания. – Владикавказ.

Хан-Гирей 1992 – *Хан-Гирей*. Записки о Черкесии. – Нальчик: Эльбрус, 1992. – 352 с.

Хасбулатова 2015 – *Хасбулатова З.И.* Традиционная культура воспитания детей у чеченцев. Диссертация... доктора исторических наук. – Москва, 2015. – 426 с.

Хутуев 1964 – *Хутуев Х.И.* К истории литературы и искусства балкарского народа // Ученые записки КБНИИ. – Том XX. – Серия филологическая. – Нальчик, 1964. – С. 121-158.

Этюды о Балкарии 2007 - *Этюды о Балкарии*: Урусбиевы, Мисост Абаев, Басият Шаханов / Сост., ст. об авторах, прим. и коммент. Т.Ш. Биттировой. – Нальчик: Эльбрус, 2007. – 403 с.

REFERENCEC

BARAZBIEV M.I. *Etnokulturnie svyazi balkarsev i karachaevev s narodami Kavkaza v XVIII – nachale XX veka* [Ethnic and cultural ties of the Balkars and Karachais with the peoples of the Caucasus in the 18th – early 20th century]. – Nalchik: Elbrus, 2000. – 112 p. (In Russ.).

BARAZBIEV M.I. *Karachaevo-balkarskie aristokrati – veterani Sobstvennogo Ego Imperatorskogo Velichestva Konvoya* [Karachay-Balkar aristocrats – veterans of His Imperial Majesty's Own Convoy]. In: «Nam Bogom i Sarem darovannaya chest...». K 200-letiyu Sobstvennogo Ego Imperatorskogo Velichestva Konvoya / Materiali VII Mejdunarodnix Dvoryanskix chteniy (12-13 noyabrya 2011 g.). – Krasnodar, 2011. – P. 59, 60. (In Russ.).

BITTIROVA T.SH., SABANCHIEV X.-M.A. *Misost Abaev: istorik, publisist, obshestvenniy deyatel* [Misost Abaev: historian, publicist, public figure]. – Nalchik: ООО «PECHATNIY DVOR», 2017. – 224 p. (In Russ.).

DALGAT B. *Poezdka k Chegemskim lednikam* [A trip to the Chegem glaciers]. / P. Steblinskiy. Puteshestvie v Balkariyu / N.A. Karaulov. Bolkari na Kavkaze. – Nalchik: Izdatelstvo M. i V. Kottlyarovix, 2009. – 56 p. (In Russ.).

DIANOVA E.V. *Sovetskie isterni/osterni 1920-x godov: priklyuchencheskije filmi o Kavkazskom frontire* [Soviet istern/ostern of the 1920s: adventure films about the Caucasian frontier]. In: Jurnal Frontirnix Issledovaniy. – 2024. - № 3. – P. 200-225. (In Russ.).

Yozden adet. Eticheskij kodeks alanskogo (karachaevo-balkarskogo) naroda [Ethical Code of the Alan (Karachay-Balkar) People] / Sost. i perevod Maxti Djurtubaeva. – Nalchik: B.i., 2001. – 281 p. (In Russ.).

ZDANOVICH A.A. *Polskiy krest sovetskoy kontrrazvedki. Polskaya liniya v rabote VChK-NKVD. 1919-1938* [The Polish Cross of Soviet Counterintelligence. The Polish Line in the Work of the Cheka-NKVD. 1919-1938]. – M., 2017. – 498 p. (In Russ.).

IZMAIL-BEY. *Iz nedavnego proshlogo Balkarii* [From the Recent Past of Balkaria]. In: Gaz. «Volniy gores». – 1920. - № 39 (7 iyunya 1920 goda). – P. 4. (In Russ.).

IZMAIL-BEY. *Vo vlasti adata* [In the Power of Adat]. In: Gaz. «Volniy gores». – 1920. - № 41(21 iyunya). - S. 4. (In Russ.).

IZMAIL-BEY. *Vo vlasti adata* [In the Power of Adat]. In: Gaz. «Volniy gores». – 1920. - № 42 (28 iyunya). - S. 4. (In Russ.).

IZMAIL-BEY. *Vo vlasti adata* [In the Power of Adat]. In: Gaz. «Volniy gores». – 1920. - № 63 (22 noyabrya). - S. 3-4. (In Russ.).

Karachaevo-balkarskie poslovisi i pogovorki [Karachay-Balkar proverbs and sayings] / Sost. X.Ch. Djurtubaev. – Nalchik: Elbrus, 2005 – 192 p. (In Russ.).

KUCHMEZOVA M.Ch. *Sosionormativnaya kultura balkarsev: tradisii i sovremennost* [Sociocultural culture of the Balkars: traditions and modernity]. – Nalchik: El-fa, 2003. – 210 p. (In Russ.).

MAKAROV T. *Tatarskoe plemya na Kavkaze* [The Tatar tribe in the Caucasus] / E. Baranov. Poezdka v Urusbievskoe obshestvo gorskix tatar. Ocherki iz jizni gorskix tatar Kabardi / B.A. Lange. Balkariya i balkarsi. – Nalchik: Izdatelstvo M. i V. Kotlyarovix, 2009. – 60 s. (Karachay i Balkariya: Stranisi proshlogo). (In Russ.).

MAFEDZEV S.X. *O natsionalnom samosoznanii: na primere adigov* [On national identity: the example of the Adyghe]. In: Adigi. Kulturno-istoricheskij jurnal. – 1991. - № 1. – P. 120-129. (In Russ.).

MIBCHUANI T.SH. *Etnokulturnie svyazi gorsev Gruzii (svanov) s balkarsami i karachaevsami (po istoriko-etnograficheskim materialam)* [Ethnocultural ties of the Georgian highlanders (Svan) with the Balkars and Karachais (based on historical and ethnographic materials)]. Avtoref. dis. na soisk. uchen. step. kand. ist. nauk : 07.00.07. – Tbilisi, 1978. (In Russ.).

Narti. Geroicheskiy epos balkarsev i karachaevev [М]. – М.: Nauka: Izdatelskaya firma «Vostochnaya literatura», 1994. – 656 p. (In Russ.).

ROBAKIDZE A.I. i XARADZE R.L. *K voprosu o svansko-balkarskix etnokulturnix vzaimootnosheniyax* [On the issue of the Svan-Balkar ethno-cultural relations]. In: Materiali nauchnoy sessii po probleme proisxozhdeniya balkarskogo i karachaevskogo narodov (22 – 26 iyunya 1959 g.). – Nalchik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatelstvo, 1960. – P. 135-153. (In Russ.).

SAFARYAN S.N. *Sultan-Bek Abaev* [Sultan-Bek Abaev]. – Nalchik: Elbrus, 1988 – 152 p. (In Russ.).

STUDENESKAYA E.N. *Odejda narodov Severnogo Kavkaza. XVIII – XX vv.* [Clothes of the Peoples of the North Caucasus]. – М.: Nauka, 1989. – 288 p. (In Russ.).

SULTANOVA A.M. *Ornamentalniy dekor v traditsionnom iskusstve karachaevev i balkarsev* [Ornamentation in the Traditional Art of the Karachais and Balkars]. – Nalchik: Elbrus, 2016. - 120 p. (In Russ.).

TAUMURZAEV D.M., BAYRAMKULOV X.K. *Karachaevo-balkarskie narodnie igri (na balkarskom yazike)* [Karachay-Balkar Folk Games (in the Balkar Language)]. – Nalchik: Elbrus, 1998. – 208 p. (In Russ.).

USGA AS KBR – *Upravlenie Sentralnogo gosudarstvennogo arxiva Arxivnoy sluzhbi Kabardino-Balkarskoy Respubliki* [Management of the Central State Archive of the Archival Service of the Kabardino-Balkarian Republic]. – Nalchik. (In Russ.).

USGA RSO-A – *Upravlenie Sentralnogo gosudarstvennogo arxiva Respubliki Severnaya Osetiya – Alaniya.* – Vladikavkaz [Management of the Central State Archive of the Republic of North Ossetia-Alania]. (In Russ.).

XAN-GIREY. *Zapiski o Cherkessii* [Notes on Circassia]. – Nalchik: Elbrus, 1992. – 352 p. (In Russ.).

XASBULATOVA Z.I. *Traditsionnaya kultura vospitaniya detey u chechensev* [Traditional Chechen culture of raising children]. *Dissertatsiya...doktora istoricheskix nauk.* – Moskva, 2015. – 426 p. (In Russ.).

XUTUEV X.I. *K istorii literaturi i iskusstva balkarskogo naroda* [To the history of literature and art of the Balkar people]. In: Uchenie zapiski KBNII. Tom XX. Seriya filologicheskaya. – Nalchik, 1964. – P. 121-158. (In Russ.).

Etyudi o Balkarii: Urusbievi, Misost Abaev, Basiyat Shaxanov [Studies on Balkaria: Urusbievs, Misost Abaev, Basiyat Shakhonov2] / Sost., st. ob avtorax, prim. i komment. T.Sh. Bittirovoy. – Nalchik: Elbrus, 2007. – 403 p. (In Russ.).

Информация об авторах

М.И. Баразбиев – кандидат исторических наук, доцент.

Х.К. Геграев – кандидат исторических наук, доцент.

Information about the authors

M.I. Barazbiev – Candidate of Sciences (History), associate professor.

Kh.K. Gegrayev – Candidate of Sciences (History), associate professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.05.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.09.2025 г.; принята к публикации 27.09.2025 г.

The article was submitted 13.05.2025 г.; approved after reviewing 15.09.2025; accepted for publication 27.09.2025.